

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 009

А. Б. Елисеев

г. Минск, Беларусь

КОНЦЕПТ «ОБРАЗ ЛЕНИНА» В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х годов

АННОТАЦИЯ. В статье раскрыты особенности первоначального формирования мифа о Ленине, проанализирован концепт «образ Ленина», который в различных типах дискурса первой половины 1920-х гг. представлялся как нечто, не поддающееся воспроизведению современниками и требующее длительного времени для воссоздания, показаны представления о том, каким должен быть образ Ленина, с помощью каких жанров и языковых средств он может быть воссоздан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, образ, Ленин, миф, легенда, бессмертие.

A. B. Eliseev

Minsk, Belarus

THE CONCEPT OF "THE IMAGE OF LENIN" IN DISCURSIVE PRACTICES THE FIRST HALF OF THE 1920s

ABSTRACT. The paper elucidates the aspects marking an initial establishment of Lenin myth and analyzes the concept of "Lenin image", which, within different discourse types of the early 1920s, was presented as something that could not be reproduced by contemporaries and requiring a long time to recreate. Furthermore, the article explores ideas about Lenin image, how it should look and through which genres and language tools it could be represented.

KEYWORDS: discourse, image, Lenin, myth, legend, immortality.

Дискурс-анализ, понимаемый как совокупность способов интерпретации текстов и высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в определенных культурно-исторических условиях, прочно вошел в сферу научных интересов и исследовательских практик историков культуры. В этой статье делается попытка проанализировать концепт «образ Ленина» в различных типах дискурса первой половины 1920-х гг. Указанный период стал временем формирования основных мифологем о Ленине, закрепившихся в вербальном пространстве как СССР, так и постсоветской России.

В советском мифотворчестве образ Ленина занимал центральное место. На протяжении многих десятилетий над ним трудились представители всех без исключения видов искусства (литературы, скульптуры, музыки, живописи, графики,

театра, кино и др.). За семь десятилетий была создана поразительная по масштабам и многообразию совокупность образов, в отношении которых реально живший человек Владимир Ильич Ульянов стал далеким, едва уловимым прототипом. Сущность трансформации, произошедшей с Лениным, специалист в области философии мифологии и религиоведения М. Смирнов выразил так: «Ленин – не отдельный конкретный человек, некогда взявший себе довольно благозвучный псевдоним, а насыщенный множеством смыслов социальный миф. Это миф о демиургическом существе, своими действиями преобразовавшем хаотизированную социальную реальность (воспользовавшись ее руинированностью) в некий “космос” нового общественного устройства... По общему свойству любой мифологии, заложенное в ней содержание передается путем чувств-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

венно-наглядных персонификаций. Таким олицетворением смыслов мифа, именуемого Ленин, и стала персона выдающегося российского политического деятеля Владимира Ильича Ульянова» [1, с. 273-274]. Смирнов пишет о том, что Владимир Ульянов, как личностное олицетворение мифа о Ленине, удостоился сполна и восторженного славословия и не менее эмоционального отвращения. Ульянов-человек оказался поглощен Лениным-мифом до синкретического неразделения: реальные черты этого человека, его биография «вбираются» мифом и видятся сквозь призму мифологического. Отсюда трудность и неоспорность любых реконструкций «подлинного» облика Ленина. «...Ульянов-человек, ставший Лениным-мифом, уже неотделим от мифологической “упаковки”, поскольку существует в массовом восприятии совершенно за пределами его подлинных мыслей, высказываний и поступков... Корпус свидетельств о нем настолько многообразен, что из них можно выстраивать практически любые образы этого человека», – делает вывод автор [1, с. 274].

Начало этой трансформации, – перемещение массового восприятия Ленина за пределы его собственных мыслей и действий, – относится еще прижизненной деятельности Владимира Ильича. В 1918 г. большевик М. Ольминский писал, что хотя понятие «культ личности» противоречит всему духу марксизма, однако русские марксисты проявляют недостаточно внимания и интереса «к личности товарищей, вообще, и к личности выдающихся деятелей нашего движения, в частности» [2, с. 24]. Пассаж о культе понадобился Ольминскому для того, чтобы назвать имя той выдающейся личности, в отношении которой, по его мнению, недостаток внимания чувствовался особенно сильно. Это – «тов. Ленин».

Сам Ленин, надо отдать ему должное, ни тогда, ни в последующем ничего подобного не ощущал, наоборот, жаловался на переизбыток внимания к себе и тре-

бовал положить конец любым формам собственного возвеличивания. Каким стало это возвеличивание, можно судить из номера газеты «Правда», вышедшего 23 апреля 1920 г. Номер был посвящен пятидесятилетнему юбилею Ленина. Здесь были опубликованы статьи Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Каменева, И. Сталина, Л. Троцкого, К. Радека, М. Покровского, Е. Преображенского, И. Скворцова-Степанова, стихи о юбиляре поэтов Д. Бедного и Г. Якубовского, приветствия Ленину по случаю его юбилея. Передовая статья «Тов. Ленин как революционный теоретик», написанная Н. Бухариным, начиналась словами: «Весь мир знает, что тов. Ленин – величайший вождь масс, гениальный тактик и революционный стратег» [3, с. 1]. Уже здесь обращают на себя внимание два момента: местоимение «весь» и превосходная степень сравнения прилагательного «великий». По отношению к миру Бухарин не делает ни малейшего исключения, что где-то могут не знать Ленина, и притом знают именно, что Ленин – *величайший* вождь масс, следовательно, этот признак присущ только ему и никому другому. «Весь мир знает» – безысключительное суждение, не допускающее ничего другого, «величайший вождь» – сравнение, указывающее, что Ленина, собственно, сравнивать не с кем.

Приведенный короткий фрагмент из статьи Бухарина является примером языка, с помощью которого в последующие годы будет создаваться образ Ленина. Во всех случаях, не исключая энциклопедические статьи, этот язык не будет нейтральным. В текстах других стилей, особенно публицистическом и художественном, он вообще станет отличаться тенденцией к предельной выразительности, эмоциональности и экспрессивности.

С начала 1920-х гг. в дискурсе о Ленине начинают упоминаться жанры, в которых либо уже начато воплощение, либо должен быть воплощен его образ. Как правило, это нереалистические жанры, имеющие отношение к народному творче-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ству – миф, легенда, сказка. В 1920 г. немецкий литератор Р. Кайзер заметил, что в его стране (в Германии) отсутствуют сильные стимулы для литературного творчества, так как мир живет в эпоху, не создающую мифов: «Лишь у вас, русских, творятся мифы, у вас есть Ленин» [4, с. 451]. Тогда же один из самых известных русских – М. Горький – написал о том, что «Ленин постепенно становится легендарной личностью» и что «это – хорошо» [5]. Это – хорошо, считал Горький, потому что большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать, и вера в легендарного Ленина поможет им осознать необходимость глубоких социальных изменений. В 1923 г. литературный теоретик и критик А. Воронский зафиксировал, что Ленин уже «стал» и «еще больше станет мифом, легендой, лучшей сказкой человечества» [6, с. 17]. В 1924 г., после смерти Ленина, Воронский переформулирует свои слова несколько по-другому. «Уже теперь, на наших глазах, – напишет он в траурном очерке на смерть Ленина, – его имя становится легендой, сказкой, сагой. Разные группы нашего пестрого населения уже сочиняют, создают, творят своего Ленина» [7, с. 142]. Мысль Воронского раскрывает механизм литературного творчества: сочиняют, создают, творят – глаголы, подходящие для характеристики творческого процесса. Перечислив несколько потенциальных ипостасей Ленина (от «добротного американского дядюшки» до «хитроватого хозяйственного мужичка»), сам Воронский прибегает к сравнению Ленина с персонажем из древнегреческой мифологии. Он пишет о том, что Ленин стал «новым Прометеем», сведшим «священный огонь социализма с небес на землю» [7, с. 143].

Но если народной фантазии позволено «творить своего Ленина», то одной категории населения в таком праве было отказано. Специально для нее Воронский употребил глагол «извращать». Речь идет о буржуазии, которая может только «извращать» образ Ленина: «...Буржуазный мир

помимо клеветы и проклятий постарается извратить образ тов. Ленина, и одна из очередных задач будет заключаться в том, чтобы решительно бороться против таких извращений» [7, с. 142]. Отличить извращение от творчества не составляет большого труда, так как творят Ленина лишь те, кто ищет «в нем воплощения своих надежд, идеалов и мыслей» [7, с. 142].

Передовая статья редактора «Известий» Ю. Стеклова, опубликованная в день похорон Ленина 27 января 1924 г., добавляет к концепту «образ Ленина» новую деталь. «...В отличие от других легенд, ленинская легенда является правдой», – пишет Стеков [8, с. 1]. Правдивая легенда – это явный оксюморон. В данном случае правда трактуется Стековым как правота. Правота дела и идей Ленина обеспечит, в свою очередь, его бессмертие: «Его жизнь и труд – это целая мировая эпопея. Фигуры таких людей, как Ленин, ...становятся все величественнее и ближе к человечеству по мере того, как оно поднимается из бессознательного состояния и переходит в стадию активного творческого участия в историческом процессе. Вот почему Ленин бессмертен в настоящем смысле этого слова» [8, с. 1]. «Настоящее» бессмертие Ленина трактуется Стековым как приобретение все большего воздействия и влияния его идей на последующие поколения. В этом смысле Ленин действительно бессмертен, как сохраняющий свое значение для жизни последующих поколений, навсегда остающийся в памяти людей.

Однако в дискурсе 1924 г. бессмертие Ленина трактуется и в буквальном смысле, причем сам Ленин помещается в пантеон божеств. К обожествлению Ленина прибег нарком просвещения А. Луначарский в своей речи на общем собрании работников искусств Москвы, произнесенной в день похорон Ленина. «Это не смерть – то, что мы пережили сейчас, – сказал Луначарский, – это не похороны – то, что мы совершили сегодня, это – апофеоз, это – превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

руку, в существо порядка высшего, в бессмертное существо, в бессмертного гения, благодетеля человечества» [9, с. 19]. Древнегреческое слово «апофеоз» дословно обозначает именно обожествление, обожествление. Бывший богостроитель Луначарский, создававший некогда пролетарскую религию без бога, теперь обосновывал идею новой религии, но все-таки с богом. Таким богом должен был стать Ленин, и Луначарский, поскольку божество не должно обладать человеческой природой, проводит четкую линию между им и людьми: «Как-то остались мы, люди, одни на земле, мы, всякие люди, маленькие люди, средние люди, большие люди, очень большие люди, но – люди! ...Но вот этого сверхчеловеческого существа..., – вот его уже нет. Остались мы в нашей среде, в нашей людской компании» [9, с. 30-31].

С первой половины 1920-х гг. концепт «образ Ленина» начнет толковаться как что-то ускользающее, не поддающееся воспроизведению современников, требующее для воплощения длительного времени и даже бесконечности. В следующих хорошо известных строках поэта Н. Полетаева речь идет именно о неспособности современников воссоздать образ Ленина:

Портретов Ленина не видно:

Похожих не было и нет.

Века уж дорисуют, видно,

Недорисованный портрет [10, с. 31].

В траурной литературной газете, посвященной памяти Ленина, писатель Ф. Гладков рассказывает, что его маленький сын бесконечно рисует портреты Ленина, и на его вопрос, зачем их так много, отвечает: «Я хочу его нарисовать такого, какой он должен быть» [11, с. 448]. Сам Гладков тут же рефлексировал о том, что

Ленин – это «человек, который не может быть никогда изображен на бумаге», «человек, которого будут изображать многие века», «циклоп» и «богатырь», который уже при жизни стал героем былин и песен [11, с. 448]. Гладков пишет: «Тот образ, который мы видим на бесчисленных фотографиях, не тот образ, каким он должен быть: он должен быть иным, для нас пока недоступным» [11, с. 448]. Гладков видит задачу русской литературы в том, чтобы воплотить этот образ: «Неисчерпаемый источник для монументального художественного обобщения, это – образ Ленина, как многогранный кристалл человечества, как образ многоединства. И из этого источника берет начало новая русская литература, литература пролетарская» [11, с. 448].

Старый соратник Ленина П. Лепешинский обращает внимание все-таки на необходимость запечатлеть подлинный образ Ленина: «...Мы, современники Ильича, более или менее близко подходившие к нему..., обязаны хотя бы и неумелыми, детскими руками – паки и паки пытаться воспроизвести этот образ, ... сделать все возможное, чтобы подлинный живой облик Ильича для будущих поколений не был бы окончательно утерян и чтобы его интереснейшая индивидуальность не стерлась от времени, не растворилась бы в море легенд, которые несомненно будут в огромной мере накапливаться около его имени» [12, С. 86]. Хотя Лепешинский и пишет о необходимости избегать искажений образа Ленина, указанием на то, что пока это можно делать только «неумелыми», «детскими» руками все равно подчеркивается неспособность воссоздать его образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов М.Ю. Религии и религиоведение в России. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. – 365 с.
2. Ольминский М. Тов. Ленин // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). – С. 24-33.
3. Бухарин Н. Тов. Ленин как революционный теоретик // Правда. 1920. 23 апр. – № 86.
4. Лунберг Е. Голоса с Запада / Ленин: однодневная литературная газета // У великой могилы. – М., 1924. – С. 451.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

5. Горький М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический интернационал. 1920. № 11. Режим доступа: <http://gkaf.nsu.ru/mindolin/voice/gorklen.html>. Дата доступа: 01.03.2017.
6. Воронский А. Россия, человечество, человек и Ленин // Прожектор. – 1923. – № 14. – С. 17-22.
7. Воронский А. У склепа // Красная новь. 1924. № 1 (18). – С. 142.
8. Стеклов Ю. Могила Ленина // Известия. 1924. 27 янв. – № 22.
9. Луначарский А.В. Ленин (Речь, произнесённая в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). – 2-е изд. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 32 с.
10. Полетаев Н. «Портретов Ленина не видно...» // Он жив. – 2-е изд. – Л.: Изд-во «Кубуч», 1925. – 64 с.
11. Гладков Ф. Образ Ленина // У великой могилы. – М.: Изд. Газеты «Красная звезда», 1924. – С. 448.
12. Лепешинский П. Портрет Владимира Ильича // Красный журнал для всех. 1924. № 2. – С. 85-91.